СКАЗКА

о

ГЕОРГІИ ХРАБРОМЪ

И

О ВОЛКѢ)* .

Сказка наша гласитъ о дивномъ и древнемъ побытѣ временъ первородныхъ: о томъ, что дѣялось и творилось, когда скотъ и звѣрь, и рыба и птица, какъ переселенцы, первородцы и новозданцы, какъ новички міра нашего, не знали и не вѣдали еще толку ни ладу въ быту своемъ; не обжились еще ни съ людьми, ни съ мѣстомъ, ни съ житьемъ–бытьемъ, ни сами промежъ собой, не знали порядка и начальства, говорили, кто по татарски кто, по калмыцки и не добились еще толку, кому кого глодать, и кому съ кѣмъ въ миру и въ ладахъ односумомъ жить; кому съ кѣмъ знаться или не знаться, кому кого душить и кого

---

*) Сказка эта разсказана мнѣ А. С. Пушкинымъ, когда онъ былъ въ Оренбургѣ и мы вмѣстѣ поѣхали въ Бердскую станицу, мѣстопребываніе Пугача во время осады Оренбурга. В. Даль.

бояться; кому ходить со шкурой, а кому безъ шкуры, кому быть сытымъ, а кому голоднымъ.

Сѣрый волкъ, по тогдашнему бирюкъ, обмогавшись на тощакъ голодухою некакъ сутки трои въ чаяніи фирмана, разрѣшающаго и ему, грѣшному ,скоромный столъ — побрелъ наконецъ на мірскую сходку, гдѣ, какъ послышалъ онъ мелькомъ отъ бѣжавшей оттуда, мимо логва его, съ цыпленкомъ въ зубахъ лисы, гдѣ Георгій Храбрый правилъ судъ и рядъ и чинилъ расправу на малаго и на великаго.

Пришелъ сѣрый на вѣче: сталъ поодаль, поглядѣлъ, присѣлъ на заднія лапы, по собачьи, и опять поглядѣлъ, прислушался маленько, вздохнулъ, покачалъ головой, облизался и поворотилъ оглобли назадъ. Тутъ не добьешься и толку, подумалъ онъ про себя; крику и шуму довольно, а что дальше — не знаю. Чѣмъ затесываться, среди бѣлаго дня, въ эту толпу, отару, ватагу, табунъ, гуртъ, стаю, стадо — въ это шумливое, и крикливое стоголосное скопище, гдѣ отъ давки паръ валитъ, отъ

крику пыль стоитъ, чѣмъ туда лѣзть, среди бѣлаго дня, такъ лучше брести во свояси. Я не дуракъ; хоть и знаю, что и мнѣ, на ряду со всѣми, сказано: вѣкъ живи, вѣкъ учись, а умри дуракомъ; такъ покрайности, до поры до времени, поколѣ Господь терпитъ грѣхамъ моимъ, поколѣ смерть сама на меня не нашатнулась, быть дуракомъ. не хочу Нашему брату въ сумерки можно залѣзть промежъ другихъ людей, а кабы въ темь полуночную, такъ и подавно; а среди бѣлаго дня — *бармойминъ,* не пойду. И такъ онъ пришелъ домой, залѣзъ въ трущобу глухую, повалился на бокъ и сталъ, щелкая зубами, искать по шубѣ своей. Настала ночь и сѣрый смѣкнулъ и догадался, что эдакъ сытъ не будешь. Совсемъ *курсакъ* пропалъ, ворчалъ онъ про себя, животы хоть уздечки вяжи, а *поашать* нечего! Что станешь дѣлать: вылѣзъ онъ изъ терновника, ожилъ и освѣжился маленько, когда рѣзкій сѣверьякъ пахнулъ по тулупу его, взбивая мохнатую шерсть — очи у него загорѣлись въ теми ночной, словно свѣчи; поднявъ

морду на вѣтеръ, пустился онъ волчьей скачкою по широкому раздолью и вскорѣ почуялъ живность; но, какъ это была только первая попытка сѣраго промыслить самоучкою кусъ на свой пай, то онъ и не разнюхалъ, на какую поживу онъ, по милости шайтана, наткнулся; а только облизывался, крадучись да присѣдая, поддернувъ брови къ верху и приподнявъ уши зубрильцемъ и прошепталъ тихонько: «что–то больно сладкое!»

Онъ заползъ на первый разъ въ стадо сайгаковъ; а какъ и самоучкою удаются ину пору мастера не хуже ученыхъ, а сайгаки сердечные, о–ту–пору были посмирнѣй нынѣшнихъ овецъ, то сѣрый нашъ безъ хлопотъ пары двѣ отборныхъ зарѣзалъ на повалъ, словно вѣкъ въ мясникахъ жилъ, да еще другимъ бѣдняжкамъ, кому колѣно, кому бедро, а кому и шею выломилъ. Сайгаки всполошились, прыснули по полю вправо и влѣво, да подняли тревогу; кто живой да съ ногами былъ, всѣ сбѣжались, звѣри и птицы на лицо, а рыбы, по неподручности сухопутнаго перехода,

послали отъ себя пословъ, трехъ черепахъ съ черепашками, которыя однако же, уморившись на смерть, къ сроку запоздали, а потому дѣло на сходкѣ обошлось и безъ нихъ. И съ той–то поры, сказываютъ, рыбы лишены за это навсегда голоса. Видите, что уже и о-ту-пору, былъ порядокъ и расправа и вина безъ наказанія не проходила: всякая вина виновата.

И такъ, звѣри сбѣжались, день проглянулъ, и сѣраго нашего захватили въ расплохъ уже надъ послѣднею четвертью третьяго сайгака. Онъ, знать, себѣ на умѣ; думаетъ: запасъ хорошо, а два лучше; а потому сѣрый нашъ, о ту пору какъ и нынѣ, шутить не любилъ. Но ему не ладно отозвалась эта первая попытка: дѣло новое, дѣло непривычное; нынѣ шкуру снять съ сайгака не диковина; а тогда еще было не то. Звѣри и птицы всѣ ахнули, на такую бѣду небывалую глядючи; одинъ только молодой лошакъ, вчерашняго помету, стоялъ и глядѣлъ на изуродованныхъ собратовъ своихъ, что гусь на вечернюю зарницу. Но міръ присудилъ по своему:

костоправъ, медвѣдь, осмотрѣлъ раненыхъ, повытянулъ имъ изломанныя шейки да ножки, повыправилъ измятые суставчики и ворчалъ про себя, покачивая головой и утираясь во всѣ кулаки: «не ладно эдакъ–то дѣлать; эдакъ что же пути будетъ? руки ноги выломилъ, а которому и вовсе карачунъ задалъ — это дѣло не ладно!» Между тѣмъ бабы сошлись и стали голосить по покойникамъ: «ахъ ты мой такой–сякой, сизой орелъ, ясный соколъ! на кого жъ ты насъ, сиротъ круглыхъ, покинулъ? А кто жъ намъ, сердечнымъ, кто намъ будетъ воду возить, кто станетъ дрова рубить? Кто будетъ насъ любить и жаловать, кто холить да миловать, кто хлѣбомъ кормить да виномъ поить?» Наконецъ принялись люди и за сѣраго; онъ бы за тѣмъ не очень погнался, что ему, на первый разъ, поиграли въ два смычка на кожаномъ гудкѣ, при чемъ мишка съ отборнымъ товарищемъ исправляли должность ката, и, присѣвъ на корточки, надѣвъ рукавицы и засучивъ рукава, отсчитали сѣрому честно и добросовѣстно сто одинъ, по приговору,

такъ что на сѣромъ тулупъ гора горой вздулся — а на немъ шкура правда и не чернаго соболя, да своя — ну, это бы, говорю, все ничего, да ему то обидно было, что и впередъ не велѣли таскать сайгаковъ, а на спросъ: чѣмъ ему кормиться? не дали ни отвѣту ни привѣту, кричали только всѣ въ голосъ, чтобы сѣрый не смѣлъ, ни подъ какимъ видомъ, рѣзать да губить живую скотину, чтобы не порывался лучше на кровь да на мясо, а выкинулъ думку эту изъ головы. Живи–де смирно, тихо, честно, не обижай никого, такъ будетъ лучше. Сѣрый нашъ, встряхнувшись да оправивъ на себѣ сѣрмягу свою, плакалъ на взрыдъ, подергивая только плечами, и спрашивалъ: «что же прикажете ѣсть, чѣмъ быть мнѣ сытымъ? я не прошу вѣдь на каждый день ужина да обѣда, да хоть въ недѣлю разъ накормите: неужто круглый годъ скоромнаго куска въ ротъ не брать?» Но никто на это ему не отвѣчалъ и сходка, по окончаніи *скуціи,* на томъ и кончилась; каждый побрелъ во свояси, разговаривая съ дружкой и вслухъ посмѣиваясь надъ

сѣрымъ пріятелемъ нашимъ, который сидѣлъ подгорюнившись, какъ богатырь недотыка, поджавъ хвостъ и повѣсивъ голову, и глядѣлъ на недоглоданныя копытца, рожки, и косточки.

По этой мірской сходкѣ видимъ мы, что Георгій Храбрый, набольший всѣмъ звѣрямъ, скотинѣ, птицѣ, рыбѣ и всякому животному, успѣлъ уже постановить кой–какой распорядокъ, указалъ расправу, расписалъ и порядилъ заплечныхъ мастеровъ, волостныхъ головъ, писарей, сотскихъ и десятскихъ, словомъ, сдѣлалъ все, какъ быть слѣдно и должно.

«Эдакъ не ладно», сказалъ сѣрый, покачивая головой на повислой шеѣ, «совсѣмъ *яманъ булыръ*, будетъ плохо. Да на что же меня грѣшнаго, съ этими зубами на свѣтъ посадили!» Самъ вздохнулъ, отряхнулся и пошелъ спросить объ этомъ Георгія Храбраго; «пусть–де самъ положитъ какое ни есть рѣшеніе, ему должно быть извѣстно объ этомъ; пусть укажетъ мнѣ, чье мясо, чьи кости глодать, а травы я себѣ по зубамъ не подберу.»

«Георгій!» сказалъ онъ, присѣвъ передъ витяземъ и наклонивъ униженно неповоротливую да покорную шею свою, «Георгій! пришла мая твая просить, дѣло наша вотъ какой: мая ашать нада, курсакъ совсѣмъ пропалъ, а никто не даетъ; на что же» продолжалъ онъ, «далъ ты мнѣ зубы да когти, да пасть широкую, на что ихъ далъ мнѣ, и еще вдобавокъ большой, мясной курсакъ, укладистое брюхо? ему порожній жить не можно; прикажи ты меня, Георгій, накормить да напоить; нето возьми, да дѣвай куда знаешь; мнѣ, признаться, что впередъ будетъ, а поколѣ житье не находка. Я вчера наѣлся, Георгій, и теперь до четверга потерпѣть можно; а тамъ, воля твоя, прикажи меня кормить!»

Георгій Храбрый былъ о-ту-пору занятъ дѣлами, по управленію новорожденнаго разношерстнаго народа своего и войска, Георгію было не до волка. Большакъ поморщился и отправилъ его къ сотнику: «ступай, братецъ, къ туру гнѣдому, онъ тебя накормитъ.» — Ну, вотъ эдакъ бы давно — сказалъ сѣрый, вскочилъ и

побѣжалъ весело въ ту сторону, гдѣ паслось большое стадо рогатаго скота. — Я бы вчера и не подумалъ таскать сайгаковъ самоуправствомъ, коли бъ кто посулилъ мнѣ говядинки: *куй–иты, сухыръ–иты,* баранина ль, говядина ль, по мнѣ все равно, былъ бы только, какъ калмыки говорятъ, маханъ, мясное.

Онъ подошелъ къ быку туриному и просилъ, по словесному приказанію Георгія Храбраго, сдѣлать какой тамъ слѣдовать будетъ распорядокъ, какъ говорится въ приказной строкѣ, объ утоленіи законнаго голода его. «Стань вотъ здѣсь», сказалъ быкъ, «да повернись ко мнѣ бокомъ». Сѣрый сталъ. Быкъ, задравъ хвостъ и выкативъ бѣльмы, разогнался, подхватилъ его рогами и махнулъ черезъ себя. «Сытъ, что–ли?» спросилъ онъ, когда сѣрый нашъ, перевернувшись на лету раза три черезъ хвостъ и голову, грянулся объ землю навзничь, крестцомъ. У сѣраго отнялся языкъ: онъ вскочилъ и поплелся безъ оглядки, присѣдая всѣмъ задомъ, какъ разбитая старуха на костыляхъ. У быка на

каждомъ рогу осталось по клоку шерсти, не меньше литовскаго колтуна.

Сѣрый добрелъ кой–какъ до логва своего, прилегъ, и лежалъ, обмогался да облизывался трои сутки, и то насилу отдохнулъ. Обругавъ мошенникомъ и быка, и Георгія, пошелъ онъ однако же опять искать суда и расправы.

«Ну, дядя Георгій», сказалъ онъ, заставши этого опять таки за дѣломъ, «спасибо тебѣ! я, послѣ закуски твоей, насилу выходился!» — А что — спросилъ Георгій — нешто быкъ не даетъ хлѣба? — «Какого хлѣба?» отозвался сѣрый :«бойся Бога, дядя, у насъ, когда вставлялъ ты мнѣ эту скулу, да эти зубы, у насъ былъ, кажись уговоръ не на хлѣбъ, а на мясное!» — Ну а чтожъ, быкъ не даетъ? — «Да не даетъ!» — Ну, — продолжалъ Георгій — ступай же ты къ тарпану, къ лошади, она дастъ. — Самъ ушелъ въ покои и покинулъ бѣдняка.

Сѣрый оглянулся; косячекъ пасется за нимъ недалечко. Онъ подошелъ, да не успѣлъ и заикнуться, не только скоромное

слово вымолвить, какъ жеребецъ, наостривъ уши, заржалъ, наскакалъ на него, и, не выждавъ отъ сѣраго ни здравствуй ни прощай, махнулъ по немъ, здорово живешь, задними ногами; да такъ слышь, что кабы тотъ не успѣлъ присѣсть и увернуться, такъ можетъ быть не сталъ бы больше докучать Георгію своими зубами; еще спасибо не кованъ былъ жеребецъ о–ту–пору, а то бѣда бы. Сѣрый мой взвылъ навзрыдъ, закричалъ благимъ матомъ, подбѣжалъ тутъ же къ Георгію Храброму и билъ челомъ неотступно, чтобы самъ поглядѣлъ, какъ народъ съ нимъ, съ сѣрымъ, обходится: да самъ бы ужъ и приказалъ, туру ли гнѣдому, тарпану ли, его накормить. «Видишь», говорилъ онъ, «видишь, что сдѣлалъ бы со мной жеребецъ этотъ при тебѣ, въ глазахъ твоихъ и при ясномъ лицѣ твоемъ; благо, что самъ ты видѣлъ, а то бы чай опять не повѣрилъ!» Георгій осерчалъ на сѣраго, что больно докучаетъ, не даетъ покою. — Всѣ люди, какъ люди, — говорилъ онъ, — одинъ ты шайтанъ; пристаетъ, что съ ножемъ къ

горлу, подай да подай; поди, говорятъ тебѣ, да попроси изъ чести, смирно, чинно; да не ходи эдакимъ сорванцомъ, забіякою; погляди–ка на себя, на кого ты похожъ? чего косишься изъ подлобья, да свинкой въ землю глядишь? вишь тулупъ взбитъ, колтуны съ него висятъ, рыло подбито, сущій разбойникъ; не мудрено, что тебя и честятъ по заслугамъ. Нешто люди эдакъ ходятъ? Поди къ архару, къ дикому барану, да попроси честью, такъ онъ накормитъ тебя, да и отвяжись отъ меня, не приставай, что больной къ подлекарю.

Сѣрый пошелъ, прежде всего скупался, постянулъ зубами съ шубы своей сухари да колышки, встряхнулся, прибрался, умылся, расчесался и отправился, облизываясь уже напередъ, къ архару, къ барану. Этотъ, поглядѣвъ на нашего щеголя и наслушавшись сладкихъ рѣчей его, попросилъ стать надъ крутымъ оврагомъ, задомъ въ чистое поле. Волкъ сталъ, повѣсилъ хвостъ и голову, наострилъ ухо и распустилъ губы; баранъ разогнался позадь его, ударилъ по немъ костянымъ лбомъ, что

тараномъ въ стѣну: волкъ нашъ полетѣлъ подъ гору въ оврагъ и упалъ замертво на дно глубокой пропасти. У него въ глазахъ засемерило, позеленѣло, заиграли мурашки, голова пошла кругомъ, что жерновъ на поставѣ, въ ушахъ зазвенѣло и на сердце что–то налегло горой каменной: тяжело и душно. Онъ лежалъ тутъ до ночи, очнувшись просидѣлъ да прокашлялъ до разсвѣта, а заутре во весь день еще шатался по оврагу, словно не на своихъ ногахъ, либо угорѣлый. Какъ онъ тужилъ, какъ онъ охалъ, какъ бранился и плакалъ и клялъ Божій свѣтъ и жалобно завывалъ и глаза утиралъ, какъ наконецъ вылѣзъ, отдохнулъ и опять таки поплелся къ отцу–командиру, къ храброму Георгію: всего этого пересказывать не для чего, довольно того, что Георгій послалъ его къ кабану, да и тотъ добромъ не дался, а испортилъ сѣрому шубу и распоролъ клыкомъ бокъ. Сѣрый, какъ истый мученикъ первобытныхъ и первородныхъ временъ, когда не было еще ни настоящаго устройства, ни порядка, хоть были уже

разные чиновники, сотскіе, тысяцкіе и волостные — сѣрый со смиреніемъ и кротостью коренныхъ и первоначальныхъ вѣковъ, зализалъ кой–какъ рану свою и пошелъ опять къ Георгію, съ тѣмъ однакоже, чтобы съѣсть его и самаго, коли де и теперь не учинитъ суда и расправы и не разрѣшитъ скоромнаго стола. «Еще и грамоты не знаютъ», подумалъ сѣрый про себя, «и переписка не завелась, а какіе крючки да проволочки по словесной расправѣ выкидываютъ! Ну, а что бы еще было, кабы далося имъ это письмо?» Сѣрый пошелъ и попалъ въ добрый часъ: Георгій Храбрый былъ и веселъ и въ духѣ и на бездѣльи; онъ посмѣялся, пошутилъ, потрепалъ сѣраго по тулупу и приказалъ ему итти къ человѣку. «Поди», говорилъ онъ, «поди въ сосѣдній пригородъ и попроси тамъ у добрыхъ людей насущнаго ломтя; проси честно, да кланяйся и не скаль зубовъ, не щетинь шерсти по хребту, да не гляди такимъ звѣремъ.» — Охъ, дядя, — отвѣчалъ волкъ, — мнѣ ли щетиниться! опаршивѣлъ я чай съ голоду,

такъ и шерсть на мнѣ встала; Богъ тебѣ судья, коли еще обманешь! — «Поди же, поди», молвилъ опять Георгій, «люди народъ добрый, сердобольный и смышленый они не только накормятъ тебя и напоятъ, а научатъ еще какъ и гдѣ и чего промышлять впередъ.»

Сѣрый, на чужомъ пиру съ похмѣлья, веселаго послушавъ, да не веселъ сталъ. Ему что-то ужъ плохо вѣрилось; боялся онъ, чтобы краснобай Георгій опять его не надулъ, да ужъ дѣлать было нечего; голодъ моритъ, по свѣту гонитъ; хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ, видно брюху итти за хлѣбомъ.

Добѣжавъ до пригорода, сѣрый увидѣлъ много народу и большія бѣлокаменныя палаты. Голодай нашъ махнулъ, ни думавъ, ни гадавъ, черезъ первый встрѣчный заборъ, вбѣжалъ въ первыя двери и, заставъ тамъ много рабочаго народу, оробѣлъ и струсилъ было сначала, да ужъ потомъ, какъ дѣваться было ему некуда, а голодъ знай поетъ свое да свое, сѣрый пустился на авось: онъ доложилъ служивымъ вѣжливо и учтиво, въ чемъ

дѣло и зачѣмъ онъ пришелъ; сказалъ, что онъ нынѣ, по такому–то дѣлу, сталъ на свѣтѣ безъ вины виноватъ; что и радъ бы не грѣшить, да *курсакъ* донимаетъ; что Георгій Храбрый водилъ его о–сю–пору въ дуракахъ, да наконецъ смиловался видно надъ нимъ и велѣлъ итти къ людямъ, смышленому, сердобольному и многоискусному роду, и просить помощи, науки, ума и подмоги. Онъ все это говорилъ по своему, по татарски, а случившійся тутъ рядовой изъ казанскихъ татаръ, переводилъ товарищамъ своимъ слова нежданнаго гостя. Волкъ попалъ не на псарню, и не въ овчарню; онъ просто затесался въ казармы, на полковой дворъ и, перескочивъ черезъ заборъ, забѣжалъ прямо въ швальню. Служивые художники его обступили; хохотъ, смѣхъ, шумъ и крикъ оглушили бѣдняка нашего до того, что онъ, оробѣвши, поджалъ хвостъ и почтительно присѣлъ среди обступившей толпы. Самъ закройщикъ, кинувъ работу, подошелъ слушать краснобая новаго разбора и помиралъ со смѣху, на него глядя.

Наконецъ всѣ ребята присудили одного изъ своихъ, криваго Тараса, который состоялъ при полку для ради шутовской рожи своей, съ чиномъ за–урядъ дурачка, присудили его волку на снѣдь, на потраву, и начали съ хохотомъ усыкать да улюлюкать, притравливая волка на Тараску. Но сѣрый нашъ не любилъ да и не умѣлъ шутить: онъ звѣремъ лютымъ кинулся на криваго за–урядъ чиновника, который только что успѣлъ прикрыться отъ него локтемъ и ухватилъ его за воротъ. Ребята съ перепугу вскочили на столы да на прилавки, а закройщикъ, какъ помолодцоватѣе прочихъ, на печь; и бѣдный Тараска, за шутку ледащихъ товарищей своихъ, чуть не поплатился малоумною головушкой своей. Онъ взмолился однакоже сѣрому изъ подъ него и просилъ пощады. «Много ли тебѣ прибудетъ», говорилъ онъ, «коли ты меня теперь съѣшь? Не говоря уже о томъ, что во мнѣ, кромѣ костей да сухожилья, ничего нѣтъ, да долго ли ты мною сытъ будешь? сутки, а много, много что двои; да коли и съ казенной аммуниціей совсѣмъ

проглотишь, такъ буде не подавишься, и то не болѣ какъ на три дня тебѣ станетъ; пусти–ка ты лучше меня, такъ я тебя научу, какъ, по добру по здорову изо дня въ день поживляться можно; я сдѣлаю изъ тебя такого молодца, что любо да два, что всякая живность и скоромь сама къ тебѣ на курсакъ пойдетъ, только ротъ разѣвай пошире!»

— За этимъ дѣло не станетъ — подумалъ волкъ — только бы ты правду говорилъ. Пожалуй; Господь съ тобой; я за этимъ и пришелъ, чтобы васъ честно просить, принять меня по этой части въ науку; закройщикомъ быть не хочу, да я знаю, что вы не въ одни постные дни сыты и святы бываете, а обижать я и самъ не хочу никого.

Тараска кривой отмоталъ иглу на лацканѣ, побѣжалъ да принесъ собачью шкуру, и зашилъ въ нее бѣднаго волка. Вотъ какимъ похожденіемъ на волкѣ проявилась шкура собачья; каковъ же онъ до этого случая былъ собою — не знаемъ; а сказываютъ, что былъ страшный.

«Вотъ тебѣ и вся не долга», сказалъ Тараска, закрѣпивъ и откусивши нитку; «вотъ тебѣ совсѣмъ Максимъ и шапка съ нимъ! Теперь ты не чучело и не пугало, а молодецъ хоть куда; теперь никто тебя не станетъ бояться, малый и великій будутъ съ тобой за панибрата жить, а выйдешь въ лѣсъ, да разинешь пасть свою пошире, такъ не токма глухарь, баранъ цѣликомъ и живьемъ полѣзетъ!» — Не тѣсно–ли будетъ? — спросилъ сѣрый, пожимаясь въ новомъ кафтанѣ своемъ. «Нѣтъ, братъ, нынѣ вишь пошла мода на такой фасонъ», отвѣчалъ Тараска косой, «шьютъ въ обтяжку и съ перехватомъ, только бы полки врознь не расходились; а на тебя я потрафилъ кажись, какъ разъ рихтигъ; угадалъ молодецки и пригналъ на щипокъ, оглянись хоть самъ!» Сѣрый нашъ ужъ хотѣлъ было сказать: спасибо, да оглянулся, анъ господа портные соскочили съ печи да съ прилавокъ, сперва смѣхъ да хохотъ, а тамъ ужъ говорятъ: «да чего жъ мы стоимъ, ребята? валяй его!» И ухвативши, кому что попало, кинулись всѣ

и давай душить сѣраго въ чужомъ нагольномъ тулупѣ; а этому сердечному ни управиться, ни повернуться, ни расходиться: сзади стянутъ, спереди стянутъ, по середкѣ перехваченъ; пустился бѣдняга безъ оглядки въ степь, и радъ–радъ, что кой–какъ уплелся да ушелъ, хоть и съ помятыми боками, да покрайности съ головой; а что попалъ изъ рядна въ рогожу, догадаться онъ догадался, да ужъ поздно. Онъ сталъ теперь ни звѣремъ, ни собакой; спѣси да храбрости съ него посбили, а ремесла не дали; кто посильнѣе его, кто только сможетъ, тотъ его бьетъ и душитъ гдѣ и чѣмъ попало; а ему, въ чужихъ шароварахъ, плохая расправа; не догонитъ часомъ и барана, а сайгакъ и *куйрука* понюхать не дастъ; а что хуже всего, отъ собакъ житья нѣтъ. Онѣ слышатъ въ немъ и волчій духъ, и свой; да такъ злы на самозванца, что рыщутъ за нимъ по горамъ и по доламъ, чуютъ, гдѣ бы ни засѣлъ, гонятъ съ бѣла свѣта долой и ходу не даютъ, грызутъ да рвутъ съ него тулупъ свой и бѣдному голодаю нашему, сѣрому,

нѣтъ ни житья, ни бытья а пробивается да поколачивается онъ кой–какъ, по міру слоняясь; то тутъ, то тамъ урветъ скоромный кусъ либо клокъ и живъ — поколѣ шкуры гдѣ нибудь не сымутъ; да уже за то и самъ онъ теперь къ Георгію Храброму ни ногой; «полно», говоритъ, «пой пѣсни свои про честь да про совѣсть, кому знаешь; водилъ ты меня, да ужъ больше не проведешь». Сѣрый никого надъ собою знать не хочетъ; всякую вѣру потерялъ въ начальственную расправу, а живетъ записнымъ воромъ, мошенникомъ и думаетъ про себя: «проклиналъ я васъ, кляните жъ и вы меня; а на расправу вы меня, до дня страшнаго суда, не притянете; тамъ что будетъ — не знаю, да и знать не хочу; знаю только, что до того времени съ голоду не околѣю».

Съ этой–то поры, съ этого случаю, у нашего сѣраго, сказываютъ, и шея стала колъ коломъ; не гнется и не ворочается, оттого что затянута въ чужой воротникъ.

КАЗАК ЛУГАНСКІЙ